

**АНАТОЛИЙ
ДУБРОВНЫЙ**

**Девять жизней
БОЙЦОВОЙ КОШКИ**

ЛИСА КНИГА 1

Лиса

Анатолий Дубровный

Девять жизней бойцовой кошки

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубровный А.

Девять жизней бойцовой кошки / А. Дубровный —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Лиса)

В детский дом «Сосновый бор» прислана ученица — самая обычная 14-летняя девушка, разве что рыжая. Она сразу удивляет как воспитанников, так и воспитателей своими знаниями и умениями. Но при этом не имеет понятия о самых обычных вещах, известных её ровесникам. У окружающих возникает вопрос, кто эта юная особа? Почему она попала в обычный детский дом? Кто прислал её в это учебное заведение и с какой целью?

Содержание

Глава первая. Сосновый бор	5
Глава вторая. Поход в долину круглых камней	19
Глава третья. Бункера разного назначения	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Дубровский

Девять жизней бойцовой кошки

Глава первая. Сосновый бор

Детский дом «Сосновый бор» назывался так, потому что был расположен в вековом сосновом бору на берегу живописного озера. Но у самого озера сосны не росли, росли привычные для средней полосы берёзки, а у самой воды – ивы. В траве, достаточно высокой, чтоб скрыть там расположившегося, лежал один из воспитанников, коротко остриженные рыжие волосы могли принадлежать мальчику, по фигурке лежавшего нельзя было определить – мальчик это или девочка. Все воспитанники «Соснового бора» были одеты в одинаковые тевларовые комбинезоны, хотя девочки постарше (уже почти девушки) предпочитали юбки, но не всегда. На лежавшем были брюки и свободная рубашка, а лежал он на животе – лица видно не было. Но когда он перевернулся на спину, стало видно, что это девочка, скуластое лицо было всё же девичьим, да и бугорки формировавшейся груди, натянувшие рубашку, ясно указывали на пол. Девочка сорвала травинку, сунула её в рот и стала смотреть на небо, так обычно туда смотрят мечтатели и романтики. Но ничего не выражавшее лицо с большими зелёными глазами заставляло усомниться в романтическом настрое девочки, так смотрят люди, поставившие себе какую-то цель и теперь обдумывающие пути её достижения, при этом не обращающее внимание на окружающее. Девочка дожевала травинку и сорвала следующую, но в рот не сунула. Внимание лежавшей привлекли крики на берегу. Девочка ловко перевернулась на живот, но поскольку с этого места берега не было видно, то она поползла, делала она это так, словно была не человеком, а змеей. Девочка ползла, не оставляя следа – не приминая траву, а как будто раздвигая её. Оставаясь невидимой, девочка, нахмурившись, разглядывала то, что творилось на берегу. Там испуганная группка малышни смотрела, как у их подружки высокий парень из старшей группы собирался отобрать что-то, очень похожее на шлёпанцы. Вырвав у заплакавшей девочки один (при этом вывернув ей ручку) он потянулся за вторым. Рыжая девочка не стала ждать продолжения, одним движением поднялась и прыгнула вперёд, оказавшись около обидчика и его жертвы.

– Ты зачем маленьких обижаешь? – спросила рыжая девочка, привлекая к себе внимание. Её звонкий голос отличался от голосов сверстниц, так как был более низкий и с заметной хрипотцой. Старшеклассник презрительно смерил взглядом неожиданно появившуюся защитницу. Та была на полголовы его ниже и в полтора раза тоньше, но что-то в её взгляде было такое, что он, кривя губы, ответил:

– Мне надо на тот берег. А времени сходить за исусками нет. А ты бы шла своей дорогой, не видишь? Я спешу!

Старшеклассник щёлкнул маленькую девочку по носу, та от неожиданности выпустила шлёпанец и заплакала сильнее. А захватчик чужих шлёпанцев, видно удовлетворенный полученным результатом, попытался щёлкнуть по носу и рыжую девочку, но оказался прижатый лицом к траве с вывернутыми за спину руками. От неожиданности он выронил шлёпанцы, которые были возвращены сразу повеселевшей владелице. А рыжая девочка несколько раз ткнула старшеклассника лицом в траву, при этом ещё больше выворачивая руки, причиняя боль. Старшеклассник застонал, а удовлетворённая девочка назидательно сказала:

– Маленьких обижать нельзя! Запомни и повтори: маленьких обижать нельзя! Три раза повтори! А потом извинись и скажи, что так больше делать не будешь.

После покаяния и извинений девочка легко подняла свою жертву за шиворот и ударом ноги в область ниже поясницы задала старшекласснику нужное направление, тот быстро побежал, но удалившись на безопасное расстояние, спрятался за деревьями, стал наблюдать за происходящим у озера.

– Спасибо, – поблагодарила маленькая девочка рыжую, та ответив: «Всегда пожалуйста», достала платок и стала вытирать малышке следы слёз. Закончив, спросила:

– А зачем тому дылде нужны были твои шлёпанцы? Он же на тот берег собрался?

– Ага! – кивнула девочка и стала объяснять: – Власу на тот берег зачем-то понадобилось, а обходить долго. Сходить в корпус за исусками лень, вот мои и хотел отобрать, а потом бы там бросил, а мне пришлось бы за ними вокруг озера идти!

Видно, девочка представила эту безрадостную картину – поход босиком вокруг озера по лесу и кустам, (только в этом месте был песчаный пляж, везде заросли подступали почти к самой воде) и снова всхлипнула. Рыжая девочка обняла малышку и сказала:

– Не плачь, твои шлёпанцы у тебя же и остались. Обидеть тебя я никому не позволю, тебя как зовут?

– Ёлочка, не смейся, меня так мама назвала – Ёла, – ответила и пояснила маленькая девочка и спросила у рыжей: – А тебя как зовут?

– Меня? – переспросила старшая девочка и, чему-то улыбнувшись (улыбка вышла какой-то кривоватой и невесёлой), ответила: – Сейчас меня зовут Алиса. Но ты меня можешь звать Лисичкой. Давай дружить!

– Ага! Давай дружить! – согласно кивнула Ёлочка, видно довольная тем, что у её новой подруги не возникло вопросов о её имени. Алиса, улыбнувшись, поинтересовалась:

– И всё же я не поняла, как тот дылда в твоих шлёпанцах перебрался бы на ту сторону?

– Это не шлёпанцы, это исуски! – ответила Ёлочка и, натянув на босые ножки явно великоватые для неё шлёпанцы, прыгнула в озеро, но не погрузилась в воду, а осталась стоять на поверхности. Увидев удивление Алисы, девочка, словно по льду, заскользила по поверхности озера, выписывая круги и делая пируэты. Рыжая девочка быстро справилась со своим удивлением и захлопала в ладоши. Повернувшись к остальным детям, отбежавшим в сторону, когда она выворачивала руки Власу, а теперь осмелевшим и подошедшим ближе, спросила:

– А почему исуски?

– Это раньше был такой изобретатель, он их изобрёл и первым стал по воде ходить, – объяснила девочка поменьше Ёлочки. А потом, видно совсем осмелев, сама спросила: – А ты нас обижать не будешь?

– Нет, не буду, почему же я вас должна обижать? – удивилась Алиса, один из мальчиков, выглядевший в этой группе самым старшим, пояснил:

– Ты же сделала больно Власу! А потом его ещё и ударила! А так может поступать только агресс! Они всегда так поступают – хотят кого-то ударить и сделать больно!

– Видишь ли, он обижал Ёлочку, а обижая её, сделал больно. Она же плакала, вот я за неё и заступилась, а как же иначе? За тех, кого обижают, надо заступиться, ведь Ёлочка теперь не плачет. Её и вас обижать нельзя! А если кто это захочет сделать...

Рыжую девочку обняла Ёлочка, выбравшаяся на берег и теперь слушающая вместе со всеми, видно, когда Алиса сказала о том, что она будет заступаться за тех, кого обижают, девочка решила поддержать свою заступницу, а может, так отблагодарила. Мальчик, внимательно выслушав Алису, сделал вывод, который тут же и высказал:

– Теперь понятно, ты не агресс, ты антиагресс! Ты обижаешь тех, кто сам обижает, ты заступаешься за тех, кого обижают, чтоб их не обидели!

Алиса, выслушав эти глубокомысленные рассуждения маленького философа, засмеялась, а Ёлочка, ревниво оттеснив того в сторону, спросила:

– Алиса, тебе понравилось, как у меня получается?

– Очень! Очень понравилось, как ты каталась!

– На исусах не катаются, на них ходят, – серьёзно поправила Ёлочка подругу и предложила: – А хочешь попробовать?

– Я не умею, я никогда на этих... исусах не ходила, даже не стояла.

– Да это просто, – начала Ёлочка остальные малыши её поддержали:

– Просто! Совсем просто! Мы тебе покажем как, мы тебя научим!

Ёлочка отдала свои шлёпанцы-исуски Алисе, ремешки на них подгонялись по ноге, а подошва была широкая и длинная, так чтоб эти шлёпанцы подходили под любой размер. Надеть эту обувь не составило труда, как и дойти в ней до воды. А потом начались проблемы – оказалось, что не то что ходить, даже стоять в исусах надо уметь! Любое движение и даже перенос тяжести с одной исуски на другую вызывали их скольжение. А когда Алиса попыталась шагнуть, привычно подняв ногу, вторая нога стремительно уехала в сторону, вызвав падение. Но упала-то Алиса не на землю, а в воду, сразу погрузившись с головой, оставив сверху только ноги, вдетые в злополучные исуски. Выбравшись на берег, Алиса повторила попытку пройти по воде, ещё более неуклюжую, чем предыдущая. Бултыхнувшись в воду пятый раз, чем вызвала дружный смех малышни (поддерживающей и дающей советы), Алиса отдала исуски Ёлочке, заявив, что эти слишком маленькие.

– Завтра возьму на складе самые большие и тогда похожу по воде, а то эти всё время куда-то убежать пытаются.

– А исусок больше не бывает, они все одинаковые, – авторитетно заявил мальчик-философ, Алиса не растерялась и сказала, вызвав очередной взрыв смеха малышни:

– Тогда возьму на ноги и на руки, если упаду, то не уйду под воду, так и пойду: нога – рука, нога – рука!

Малыши не заметили, а Алиса не обратила внимания, что Влас не ушёл, а снимал все, что происходило на берегу на камеру своего телефона. А рыжая девочка сняла свою мокрую одежду, выкрутила её и, развесив на кустах сушиться, сама же осталась в трусиках, напоминающих шорты, и страной майке, белой с синими горизонтальными полосками и рукавами, закрывающими руки до локтей. Затем, сев на песок, девочка стала что-то рассказывать малышам. Вокруг этой группы возникла лёгкая белая дымка, сопровождающая ментальное воздействие. Увидев это, Влас злорадно хмыкнул, побежал к корпусам детского дома.

Арина Сергеевна, воспитательница младшей группы, собралась идти к озеру, куда после завтрака подались её подопечные. Занятий ещё не было, но дети уже съехались, не все ещё, но младшая группа уже собралась в полном составе. О безопасности детей воспитательница не беспокоилась – киберстражи, расставленные вокруг озера, не позволят случиться с детьми чему-нибудь такому – нехорошему. А детям надо давать некоторую самостоятельность, к тому же никаких сигналов о происшествиях не поступало, но всё же... Но выйти из здания она не успела, перед ней появился один из учеников старшей группы, который скороговоркой выпалил:

– Там, у озера, новенькая, я её раньше не видел, малышей обижают! Сначала исуски забрала и катать себя заставила, а потом зомбировать начала! Вот, ментальное воздействие, уж не знаю, какого уровня, мы такого ещё не проходили, вот!

Пока всё это говорил, парень демонстрировал запись со своего мобильного. Ничего такого там не было, одна из девочек сама отдала свои исуски новенькой старшегруппнице, а потом, прыгая на берегу, веселилась, глядя, как эта старшегруппница (видно, совсем исусками пользоваться не умеет) всё время падала в воду. Остальные дети тоже смеялись от души, помогая этой неумехе выбраться на берег. Увидев, что ничего не выходит, рыжая девочка выбралась на берег, отдала исуски владелице, а вот потом!.. Арина Сергеевна, побла-

годарив старшегруппника, быстро пошла к озеру. Влас, хихикая и удовлетворённо потирая руки, направился к воспитателю старшей группы, пусть он тоже поучаствует, взбучка этой новенькой нахалке должна быть образцово-показательной!

Воспитатель старшей группы, выслушав Власа, посмотрев его запись и картинку, передаваемую с киберстражей, позвонил заведующему учебной частью, и обеспокоенные преподаватели направилась к озеру. Влас внутренне ликовал – эта дура продолжала зомбировать детей, совсем не скрываясь. Интересно, кто это такая и почему попала в обычный, а не специализированный детский дом? Да и умеет она... Как она скрутила Власа, да ещё и стукнула! Явно не скрывая того, что она агресс, сам Влас это тщательно скрывал, не позволяя себе подобных выходов, только такие, которые можно оценить как детские шалости или неосторожность. Ведь могут отправить в специализированный детский дом, а там все такие, они спуску не дадут!

Воспитатель старшей группы и завуч почти бежали, группу малышей и полуодетую девушку они увидели издали и то, что она делала, тоже увидели! Но дорогу им заступила воспитатель младшей группы, показав жестом, чтоб не шумели. Воспитатели осторожно зашли со спины рыжей девушки (так та, увлечённая своим делом, не могла заметить тех, кто к ней приближался, а малыши тем более не заметили бы) и осторожно опустили на траву, словно боясь разрушить иллюзорный мир вокруг рассказчицы и её маленьких слушателей, что накладывался на реальность. Там, в том мире, по лесной тропинке бежал маленький симпатичный зверёк, очень чем-то напуганный. Добежав до хижинки, с криком «Мама, мама» стал рассказывать зверьку постарше, завернутому во что-то типа сари, свои приключения. Как он дошёл до озера, но дальше его не пустил кто-то очень страшный, что там живёт! Он из озера скалил зубы, замахивался кулаком, а когда маленький зверёк погрозил палкой (в этом месте преподаватели нахмурились – в этом рассказе-иллюзии явно была пропаганда агрессии!), тот, кто живёт в озере, замахнулся палкой в ответ! Большой зверь всё это выслушал и послал маленького (похоже, это был его детёныш) обратно, посоветовав улыбнуться тому, кто живёт в озере. Как оказалось, это было отражение маленького зверька и, поубавившись друг другу, зверёк и его отражение расстались друзьями, о чем маленький зверёк и рассказал другому маленькому зверьку, повстречавшемуся на обратном пути.

Преподаватели переглянулись – это было не зомбирование, это была сказка! Удивительно добрая сказка, рассказанная с применением ментальных способностей (очень не слабых способностей!) рассказчицы. А рассказчица запела, её хрипловатый голос звучал удивительно мягко, да и пела она о улыбках и дружбе. Когда рыжая девочка допела, наваждения вызванное её ментальным воздействием пропало, она поднялась и сказала:

– На сегодня всё, идём к вашей воспитательнице, а то она волноваться будет! Ой, извините!

Девочка ойкнула увидев глядевших на неё воспитателей.

– Ничего, ничего, – улыбнулась Арина Сергеевна и, подавая девочке одежду, сказала: – Вот, оденься.

Малышня, обступив девочку, звала ту с собой. Та, улыбнувшись, возглавила группу малышей, выстроившихся парами, и снова запела про улыбку и дружбу, дети подхватили. А преподаватели, пристроившись сзади колонны малышей, тихо переговаривались.

– Кто она? – спросила Арина Сергеевна и добавила: – Я её раньше не видела, а должна была бы. Перевели к нам? А откуда?

– Алиса Таволич, направлена к нам высшим педагогическим советом, а вот откуда – не указано. Судя по тому, что она только что показала – это специализированная школа, но почему ничего об этом не сказано в сопроводительных документах? И почему эта девочка, имея такие способности, направлена к нам? Там указано только указано, что не надо ей подбирать специализацию, хотя по возрасту это надо было сделать ещё год назад.

– По-моему, выбор профессии у неё уже сделан, – выслушав заведующего учебной частью, улыбнулась Арина Сергеевна и, показав глазами на рыжую девочку, которую, сломав строй, окружила малышня, уверенно сказала: – Педагог, только непонятно кто – учитель, воспитатель?

– В личном деле о специализации не упоминается и рекомендовано, в очень категорической форме, так что скорее это не рекомендация, а указание, на выборе профессии не настаивать, вообще об этом не упоминать! – завуч ещё раз напомнил о записи в личном деле новенькой ученицы. Арина Сергеевна посмотрела на воспитателя старшей группы и спросила:

– А ты, Пал Гаврилыч, что думаешь?

– Она только утром сегодня приехала, пока никуда не распределял, подселю-ка я её к Татьяне Томита, думаю, у них будут общие интересы, – ответил воспитатель старшей группы, показывая глазами на шагающую впереди рыжую девочку, как раньше это сделала воспитательница младшей группы.

За малышняй, буквально висевшей на рыжей незнакомке, из окна третьего этажа спального корпуса наблюдали две девочки-блондинки, одна из них, повернувшись к третьей девочке, сказала:

– Новенькая и, похоже, Тань, твоя конкурентка.

Поднявшись с кровати, на которой лёжа читала книгу, тёмно-русая девочка подошла к окну и глянула на малышей, не желающих расставаться с рыжей незнакомой. Эта девушка ничего не сказала, вместо неё это сделала одна из блондинок:

– Рыжая и ещё малолетка, куда её поселят? Наверное, к середнячкам.

Все три девочки выглядели лет на пятнадцать-шестнадцать, но если судить по начавшим округляться формам, были скорее девушками. Вторая блондинка, глядя, как девочку уводит воспитатель их группы, уверенно заявила:

– В нашу группу возьмут, а поделят к нам. У нас и кровать свободная и, скорее всего, у новенькой специализации как у Танюшки, вот сюда и приведут!

Блондинка не ошиблась, вскоре в дверь раздался стук и на пороге появился воспитатель, за которым стояла рыжая девочка. Воспитатель представил новенькую и сообщил, что она будет жить в этой комнате, а затем удалился. Девочка с чем-то похожим на маленький рюкзак, оглядела будущих соседок, с каким-то равнодушием оглядела, назвавшись, спросила:

– Какая койка у вас свободная?

– Что? – не поняла более высокая блондинка, а вторая, догадавшись, показала на кровать, стоящую рядом с кроватью Тани:

– Вот эта, – после чего спросила: – А что это у тебя за чудной рюкзак?

– Это не рюкзак, это вещмешок, – ответила новенькая, забрасывая свою ношу под кровать.

Утром Мирра мак Луви, воспитательница старшей группы заглянула в комнату девочек, куда поселили новенькую. Заглянула, чтоб разбудить, но девочки уже не спали обе блондинки – Линна и Вайлет смотрели в окно. Таня убирала постель, видно, она уже насмотрелась, а постель убирала потому, что стоявшая рядом кровать была уже аккуратно застелена без единой складочки, но что особенно поразило Мирру мак Луви – острые стрелки вдоль краёв одеяла, уложенного на матрас! Увидев удивление воспитателя, Татьяна Томита пояснила:

– Это она стульчиком, сказала, что табуреткой было бы сподручнее.

– Сумасшедшая! – обернувшись, Вайлет прокомментировала то ли странно застеленную кровать, то ли то, на что смотрели девушки. Мирра мак Луви подошла к окну. Там, на зелёной лужайке, танцевала новенькая, танцевала без музыки, но при этом, подчиняясь какому-то рваному ритму, заставляющему девушку совершать то плавные движения, то настолько быстрые, что худенькая фигурка словно размазывалась в воздухе! Да и сам танец был какой-то странный: и движения тела девушки (она неестественно прогибалась, время от времени делая сальто), и взмахи рук и ног – резкие и направленные в стороны, словно девочка хотела в кого-то попасть!

– Это зарядка у неё такая, она же сказала: «Пойду, разомнусь», – заступилась за свою новую подругу Татьяна, а удивлённая воспитательница спросила:

– Но как она вышла? В коридор она же не выходила и по лестнице не спускалась!

– В окно выпрыгнула, я же говорю – сумасшедшая, – пояснила Вайлет, воспитательница вздохнула, решив с новенькой поговорить позже: конечно, прыгать с третьего этажа – это как-то непривычно, даже, опасно! Но с другой стороны, эта девочка, спрыгнув с такой высоты, себе ничего не повредила, раз такое вытворяет! Видно, подобный способ выходить на улицу с третьего этажа для неё привычен. Поторопив обитательниц комнаты, чтоб побыстрее выходили на утреннюю зарядку, а то мастер Чен Ши будет недоволен, воспитательница вышла из комнаты.

Ученики старшей группы выбежали на полянку перед корпусом, там уже стоял учитель физкультуры Чен Ши и прекратившая свои прыжки Алиса. Многие из окон видели, что эта девочка здесь вытворяла, видел и учитель физкультуры и, видно, ему это понравилось, так как на его всегда бесстрастном лице светилась улыбка. Может, это послужило причиной того, что Чен Ши не отпускал своих обычных ехидных замечаний по поводу неуклюжести и медлительности в выполнении упражнений учениками. Алиса делала упражнения утренней зарядки со всеми, при этом было видно, что она несколько не устала и что это ей доставляет какое-то удовольствие.

– Сумасшедшая, – Вайлет очередной раз оценила действия Алисы. Её слова услышал Влас, стоявший недалеко, презрительно кривя губы, парень тоже прокомментировал действия девушки:

– Мазохистка!

После утренней зарядки давалось время, чтоб привести себя в порядок, а потом был завтрак и занятия. В триста третьей комнате, куда поселили Алису (как и во всех остальных) был санблок, правда, душевая кабина там была одна. Девочки принимали душ по очереди, но по двое, чтоб быстрее было. Первой прибежала в комнату Алиса (кто бы сомневался, с её-то способностями – недовольно заметила Вайлет, прибежавшая последней), поэтому в душевую кабину она пошла первой, с ней туда зашла Таня. Обычно она мылась третьей и на это ей соседки оставляли очень мало времени. Когда Таня вошла, Алиса уже вовсю плескалась, но девочка не сразу присоединилась к подруге, а застыла, рассматривая странные рисунки, что были на теле её соседки. Правая рука, от локтя и до плеча, была покрыта замысловатым узором, заканчивающимся на плече и лопатке. На левом предплечье была нарисована кошачья голова, в оскаленной пасти которой были такие не маленькие зубы, прямо-таки клыки! Таких у кошек не бывает! Таня спросила:

– Что это?

– Не что, а кто, – ответила Алиса и пояснила: – Это пума. Я, как бойцовый кот, имела право на такую татуировку. Можно было и кошку, но вид не оговаривался, поэтому я выбрала пуму, хотя большинство накалывало ягуаров.

– Накалывала? Татуировку? – переспросила Таня, Алиса продолжила объяснять:

– Накалывала, татуировка – это такой рисунок на теле, который не рисуется, а накалывается специальными иглами, тогда его нельзя ни смыть, ни стереть. Вот так!

– А это что? Для красоты? – продолжила интересоваться Таня, показывая на узор, покрывающий правую руку Алисы, та усмехнулась:

– Нравится? Красиво? Но это не для красоты, это знак стрелка, такой был у Равви из Чёрной лагуны. Она была выдающимся стрелком, а я хотела быть на неё похожа.

– Стрелок – это тот, который стреляет? И ты стала похожа на эту... Равви? Научилась стрелять как она? – Таня засыпала подругу вопросами и пояснила, что она подразумевает, когда говорит – стрелять: – У нас в детском доме по стрельбе проводятся соревнования: стрельба из арбалетов и луков. По неподвижной и движущейся мишени! А из чего ты умеешь стрелять? Я из лука, даже приз один раз взяла!

– Из всего умею стрелять, – улыбнулась Алиса и уточнила: – Из арбалета – так точно, а вот из лука – не стреляла. Но думаю, научусь быстро. Но я не только стрелять умею, ножи метать тоже.

– А метать ножи – это как? – удивилась Таня и стала выяснять этот вопрос: – Я знаю, рыбы икру мечут. А ножи?... Их же делают, а не мечут! Они ведь из металла! Как же их можно метать!

– Можно и икру метать, если ты рыба, – засмеялась Алиса и, став серьёзной, пояснила: – Нож метать – это значит так его бросить, чтоб он остриём воткнулся в цель, то есть туда, куда ты его бросила. Понятно?

– Но он же не острый! Как же он воткнётся? – ещё больше удивилась Таня. Девушка рассказала, что ножи не имеют острия, на конце они круглые. А там где острые – вдоль лезвия, воткнуться не могут, так как эта сторона длинная, как же она воткнётся? Если бросать, или метать – как сказала Алиса, то уж лучше вилки, у них зубчики острые. Это предложение Тани – метать вилки – развеселило Алису, но отсмеявшись, она сказала, что ей метать приходилось не только вилки, но и ложки. Ложка тоже грозное оружие, если попасть черенком в глаз. Это Алиса произнесла, выходя из душевой кабины, чем вызвала удивление Вайлет и Линны, но девушек больше заинтересовали татуировки Алисы, чем использование ложки как оружия, девочки решили, что их соседка по комнате так шутит. Оружие же бывает только у агрессивов, а ложки у всех! Алисе пришлось ещё раз рассказывать о своих татуировках, в итоге к завтраку жительницы комнаты триста три пришли последними, что не помешало Алисе закончить раньше всех.

Это был первый учебный день, хотя он был первым, но от остальных он ничем не отличался, разве что появлением новенькой. Но в ней ничего такого не было, что привлекало бы внимание, скорее, наоборот, если бы не одно – эта девочка выглядела моложе своих лет. Если уж определили в старшую группу, то должно быть не меньше пятнадцати лет. В старшей группе были не только пятнадцатилетние, были те, кому уже исполнилось шестнадцать, а то и семнадцать. Группы формировались не столько по возрасту, сколько по знаниям и способностям, но всё же – к определенному возрасту уже накапливается багаж знаний и навыков, и этот возраст у всех примерно один. Конечно, бывают вундеркинды, но редко, а эта девочка, выглядевшая на четырнадцать лет, была далеко не вундеркинд. В некоторых предметах она показала глубокие знания, что оправдывало её пребывание в старшей группе, а в некоторых была откровенно слаба, а то и вовсе ничего не знала. Но это не мешало преподавателям терпеливо ей объяснять вещи известные ученикам средней группы. Так прошло семь дней, пришло время занятий по специализации, вот тут Алиса удивила всех одноклассников, она даже не имела представления, что это такое – специализация. Бывают случаи, когда направление своей будущей деятельности выбирают уже в старшей группе, но ничего об этом не знать?...

Алиса внимательно выслушала объяснения преподавателя и спросила у Тани, что выбрала та. Педагогику – ответила девушка и сообщила, что сейчас и идёт на эти занятия.

Алиса посмотрела на Вайлет и Линну и поинтересовалась, кем те будут, когда закончат обучение?

– Системный программист, – ответила Вайлет.

– Прикладной программист, – ответила Линна.

Алиса заявила, что пойдёт на занятия с Таней. Преподаватель кивнул, словно этого и ожидал, ведь ни для кого уже не было секретом, что Алиса каждый вечер бегает к малышам, рассказывать сказки. Мало того, она как-то нашла подход к каждому из них, а те души не чают в этой рыжей девочке. Кроме Алисы и Тани в подгруппе, изучающей педагогические предметы, было ещё три парня: Клим Шахов, Глеб Кислицин и Дэн Саровски.

– Нашему полку прибыло! – приветствовал присоединение к этой группе Дэн, все заулыбались, а Алиса только подняла бровь, произнеся странную фразу:

– Не хватит личного состава на полк, разве что на неполное отделение или урезанную эскадрилью.

– Что читаем? – поинтересовалась Арина Сергеевна у Пал Гаврилыча и Джоан Гравви, воспитателей старшей группы, склонившимися над чьим-то личным делом. Улыбнувшись, воспитательница малышей предположила: – Изучаете биографию Алисы?

– Да вот смотрим и понять ничего не можем, – ответил мужчина-воспитатель, – у этой девочки, как будто нет прошлого.

– Какое прошлое может быть у ребёнка? – удивилась воспитательница младшей группы, её коллега старшей группы пояснила:

– Тут сказано, что она к нам переводится, а откуда? Не говорится! Странно это, где она была раньше? Почему из этого делается секрет? Ещё должна же быть характеристика, отзывы тех воспитателей, в чьих группах она была раньше: младшей группы и средней. Да и о её успеваемости должно быть сказано. Опять же, девочка направлена в старшую группу, значит должны быть рекомендации какую специализацию ей подсказать, а тут – прочерк! Ничего!

– Может она не проявляла желания что-либо выбрать. Ведь такое же бывает, а потом...

– У неё вдруг появилось желание возиться с малышами? Алиса с твоим воспитанниками проводит времени больше, чем со своими сверстниками и тратит на учёбу, это как объяснить? Ты у неё спрашивала, почему она так делает?

Пал Гаврилыч не дал досказать Арине Сергеевне, засыпав её вопросами. Та, почему-то смутившись, ответила:

– Спрашивала, знаете, что она мне ответила? Что её сверстники слишком глупые и с ними неинтересно, только с Татьяной Томита можно общаться.

– А с малышами общаться можно? Они обладают и знаниями, и опытом? – саркастически хмыкнул воспитатель старшей группы и добавил: – Танюша так же одержима малышнёй, как и Алиса, ведь она тоже с маленькими больше времени проводит, чем со своими сверстниками. Больше чем с соседками по комнате. Хотя у них-то должно быть что-то общее!

– Похоже, эта комната для Томита только комната – место, где она спит, и больше ничего, – на этот раз хмыкнула Джоан Гравви. Посмотрев на своих коллег, продолжила: – Но похоже, что у неё появилась соседка, с которой есть много общего, ведь они вместе с малышами возятся. Насколько я знаю – сказки им рассказывают, игры придумывают или на озеро ходят.

– Там тоже игры придумывают и, что самое интересное, меня тоже к этим играм привлекают. Я так подозреваю, что это инициатива Алисы. Она не пытается заменить меня или отодвинуть в сторону, у Тани такого тоже не было, но Таволич как бы подчёркивает мою главенствующую роль и очень деликатно это делает. У меня иногда складывается мнение,

что Алиса не ученица старшей группы, а моя коллега, присланная мне на помощь, коллега уже имеющая немалый опыт.

Оба воспитателя старшей группы задумчиво кивнули, как бы соглашаясь со словами своей коллеги. Пал Гаврилыч добавил своё мнение к тому, что сказала Арина Сергеевна:

– У меня тоже такое чувство, что она не та, за кого себя выдаёт, или её выдают. Она многого не знает из того, что знают её сверстники, не знает самых обыденных вещей, но при этом... Вы знаете, Томита увлекается стрельбой из лука и привела на занятие свою новую подружку, та заявила, что из лука стрелять не умеет, но... Когда ей дали лук в руки, она попросила объяснить, как надо им пользоваться, Таня объяснила и показала. Первый выстрел был в молоко...

– Что же тут удивительного? – пожала плечами воспитательница младшей группы и сама же ответила: – Девочка первый раз взяла лук в руки.

– Первый, – согласился Пал Гаврилыч, но тут же разъяснил: – Когда берут лук первый раз в руки, то выстрелить толком не получается, а она в молоко попала. Дальше было интереснее: вторая стрела легла в круг мишени, а четыре последующих в девятку. Последняя в десятку! Я уверен, что если бы она ещё стреляла, а не отвлеклась, то все остальные стрелы были бы в десятке.

– А на что она отвлеклась? – поинтересовалась Арина Сергеевна. Джоан Гравви промолчала, видно, она это уже слышала и обсуждала со своим коллегой, тот только для воспитательницы младшей группы рассказывал дальше:

– Подошёл Стас с арбалетом, и Алиса спросила, можно ли пострелять? Арбалет не лук, но из него тоже нужно уметь стрелять, а какой результат показала Таволич, догадалась?

– Попала в мишень?

– Попала, Рина, попала. В десятку! Все десять стрел! Если бы одна, то это можно было бы посчитать случайностью, а то – десять! Да и стреляла она, почти не целясь! Кстати, она свою рубашку у тебя снимала?

– Снимала, – удивилась вопросу воспитательница младшей группы и пояснила, как это случилось: – Играла с малышами, и они облили её водой. Рубашку высушить надо было. А к чему этот вопрос?

– А что у неё под рубашкой видела?

– Майка такая с длинными рукавами в синюю полоску.

– А что на руках нарисовано, видела? – Пал Гаврилыч не отставал от Арины Сергеевны. Та, не понимая к чему эти вопросы, пожала плечами:

– Не видела, я же говорю – майка у неё, с рукавами по локоть.

– А на руках у этой девочки странные, несмывающиеся рисунки. Она называет их – татуировки. Если одна – это голова оскалившейся пумы, то на правой руке от локтя до плеча – замысловатый узор, – рассказала воспитательница старшей группы.

– Пума? Узор? – удивилась Арина Сергеевна, выслушав Джоан Гравви, после чего спросила: – Что это такое и зачем она не объясняла?

– Пума, как она говорит – это знак принадлежности к «бойцовым котам», кто эти коты, Алиса не рассказывала, а узор – это знак стрелка, – вместо Джоан ответил Пал Гаврилыч и многозначительно повторил: – Знак стрелка!

– Какая-то молодёжная группа – коты, стрелки. Такие неформальный объединения любят всякие тайные знаки, иногда даже на теле их рисуют. Но их всегда можно смыть, а так чтоб не смывалось – первый раз слышу.

– Это мне и кажется странным, – начал Пал Гаврилыч, выслушав удивившуюся Арину Сергеевну. Выслушав, стал высказывать свои предположения: – Чистое личное дело, знаки на теле, причём один указывающий или подтверждающий умение стрелять, само это умение

(Тане она сказала, что умеет стрелять из всего), отрывочные знания, причём то, что знает, – знает очень хорошо, ни о чём вам не говорит?

Обе женщины отрицательно покачали головами, а мужчина продолжил:

– Таволич не училась раньше в школе, она получала домашнее образование. А жила она в одной из дальних колоний, может, на не очень подходящей для жизни планете. Я имею ввиду не неблагоприятные для жизни природные условия, а флору и фауну, именно фауну – этим можно объяснить её умение стрелять. Ну и знания – то, что могли ей дать родители, она получила и знает это очень хорошо, даже отлично, а то, что не посчитали нужным... Вы поняли? Да?

– Но почему её сразу не послали учиться в детский дом? А оставили в дальней колонии? Это же неправильно!

– Не знаю, Рина, не знаю. Может, не было возможности? А может, просто не хотели отпускать ребёнка от себя. Надо будет спросить у Александра Андриановича, он должен знать... – ответил воспитателю младшей группы Пал Гаврилыч, та задумчиво произнесла:

– Знаешь, он тоже не знает всего, хотя как завуч должен знать. Судя по тому, как он удивился, когда увидел Алису, рассказывающую сказку на берегу озера, да и то, что он потом сказал, для него ментальные способности Таволич тоже были неожиданностью.

Пал Гаврилыч кивнул, то ли соглашаясь, то ли принимая к сведению, Арина Сергеевна продолжила:

– Я не знала всего, то, что вы мне рассказали, для меня тоже неожиданность, но я уверена, что эта девочка не причинит вреда моим воспитанникам. После того случая на озере, я посмотрела её медицинскую карту. Она не агрессивна. В её ментограмме нет зубца Кухарченко-Риммана. Да и то, как она относится к малышам... Есть у неё что-то такое... Напоминает заботливую наседку...

Воспитательница младшей группы замолчала, не зная, как выразить то впечатление, что производила на неё Алиса. Воспитатели старшей синхронно группы улыбнулись, сравнение с наседкой было очень удачно и по отношению к самой Арине Сергеевне. Пал Гаврилыч хотел ещё что-то сказать, но не успел, в учительскую вбежали растрёпанные Вайлет Снот и Линна Загман. Девушки вместе закричали:

– Там! Там в спортзале! Там мастер Чен Ши с Алисой дерётся! Руками и ногами!

– Как дерётся? Почему руками и ногами? – невпопад спросила Арина Сергеевна, а воспитатели старшей группы, не тратя времени на расспросы, побежали в спортзал, за ними последовали Вайлет и Линна, замыкала эту группу Арина Сергеевна.

В спорт зале они увидели прижавшуюся к стене Таню, мастера Чен Ши и Алису. Девочка и преподаватель физкультуры и спорта, одетые в просторные белые штаны и рубаху, двигаясь по кругу, лицом друг к другу, исполняли какой-то танец, медленный и замысловатый.

– И где?... – начал Пал Гаврилыч, но замолчал, Алиса, словно взорвавшись, начала наносить удары преподавателю. Но ни один удар не достиг цели – от некоторых Чен Ши уклонялся, некоторые принимал на подставленные руки и ноги. Всё происходило очень быстро, буквально на грани восприятия. Увлёкшись атакой (а как можно ещё назвать попытку ударить противника?), Алиса сама пропустила удар в грудь. Чен Ши нанёс его вроде небрежно, едва коснувшись девочки ногой, та при этом отлетела на добрых три метра. Прищурив раскосые глаза, что, вероятно, должно было означать улыбку, маленький (немного выше Алисы) Чен Ши сам перешёл в атаку, видно решив добить упавшую девочку. Но Алиса не упала, перекувырнувшись в обратном сальто, она встретила удары преподавателя физкультуры, подставляя под них руки и ноги так, как до этого делал её противник. То, что Чен Ши противник Алисы, никто уже не сомневался, ведь так бить друг друга друзья не могут! А они если не били, то усердно пытались это сделать. Пал Гаврилыч уже открыл рот, собираясь

прекратить это безобразие, но Чен Ши что-то выкрикнул, и Алиса замерла в странной позе с поднятой ногой. А затем стала прямо, сложив руки лодочкой на груди, к удивлению всех за этим наблюдавших, Чен Ши сделал то же самое. А потом, ещё больше удивляя зрителей этой драки, ученица и преподаватель низко поклонились друг другу, обменявшись комплиментами (а как это ещё можно назвать?).

– Благодарю вас, мастер, я получила истинное удовольствие от встречи с вами! – сказала Алиса, очередной раз кланяясь, Чен Ши ей ответил:

– И вам спасибо за минуты счастья, что вы доставили мне! Вы достойный противник!

– Я благодарна вам за то наслаждение, что вы мне доставили, – продолжала кланяться Алиса.

– Ничего себе минуты счастья, он же её чуть не пришиб! – тихо произнесла Линна Вайлет, скривившись, добавила:

– Точно мазохистка! Её лупят, а она наслаждение испытывает! Ужас! Да ещё и благодарит за то, что её бьют!

Клим Шахов, Глеб Кислицин и Дэн Саровски тоже присутствующие в спортзале говорить ничего не стали, их взгляды были красноречивее всяких слов. А улыбающийся Чен Ши (жёлтое лицо, которого обычно ничего не выражало, а тут расплылось в широкой улыбке) предложил Алисе:

– Я приглашаю вас выпить чашечку чая, у меня есть травяной сбор с высокогорья. Прошу вас оказать мне честь, приняв моё предложение!

Если кто-то из присутствующих и хотел что-то сказать, то так и застыл с открытым ртом – всегда невозмутимо выглядевший преподаватель физкультуры и спорта никого не приглашал на чашечку чая, да ещё в такой сверхвежливой форме. Не удивилась только Алиса, она вежливо склонила голову и, прежде чем что-либо сказать, оглянулась на Таню, Чен Ши опередил ответ рыжей девочки, пригласив и её подругу. Алиса рассыпалась в благодарности, в витиеватости выражений не уступая Чен Ши, когда они ушли, убежали и ученики, о чём-то оживлённо переговариваясь между собой. Джоан Гравви посмотрела на коллег и спросила, больше обращаясь к Пал Гаврилычу:

– И что можно об этом сказать? Что вы думаете?

– Могу сказать, что Чен Ши не нанёс бы вреда Алисе, хоть в его ментограмме присутствует метка агресса, но он выдержанный и осторожный, не раз доказавший своё бережное отношение к воспитанникам нашего детского дома.

– А Алиса? У неё нет зубца Кухарченко-Риммана, она не агрессив, но била-то она в полную силу! И била она не тренажёр, а живого человека! Как это объяснить? – задала вопрос Джоан, ответила Арина:

– Но все её удары не достигли цели! Она ни разу не попала!

– Да, но те удары, что попадали Чену по рукам, должны быть очень болезненны! Вы же слышали звук от этих ударов! Это были именно удары! Это ж настоящая драка! Они били друг друга! Сильно били! – начала возражать Джоан Гравви, Арина Сергеевна мягко возразила:

– А потом долго благодарили друг друга за доставленное удовольствие, вы же слышали, какие они комплименты говорили? Драка – это большая ссора, но даже после маленькой ссоры требуется время для примирения, а тут... Вы же сами видели – ссоры не было! А то, что они тут вытворяли... Не знаю, что это было, очень похоже на танец. Точно – танец! Потанцевали, а потом пошли пить чай. Чен так просто неизвестно кого не пригласит, а Алису пригласил, видно, ему очень понравилось, как она танцует, и он решил её расспросить, о чём?... Может, о том – где она научилась так танцевать? Пал, если принять за основу твои догадки о том – откуда Алиса, то можно сделать вывод, что в той отдалённой колонии не такая уж и суровая жизнь, раз там учат таким танцам. Согласитесь, чтоб так танцевать –

надо долго учиться. Да и эту танцевальную форму требуется поддерживать постоянно. Вы заметили, что этот танец очень напоминает то, что Алиса делает перед утренней зарядкой. Это можно назвать спортивными упражнениями, а ведь Алиса и от зарядки не увиливает, ведь так?

Оба воспитателя старшей группы дружно закивали, видно, слова коллеги из младшей группы их убедили (или они сделали вид, что убеждены Ариной Сергеевной), что это был танец. А Пал Гаврилыч задумчиво добавил:

– Арина, ты права, это был танец, ведь Чен пригласил Алису и Таню на чай, при этом обращался к Алисе на «вы»!

Таня впервые была в комнате, где жил преподаватель физкультуры и спорта. Эта комната была похожа на комнаты преподавателей и воспитателей «Соснового бора», но в то же время здесь что-то было очень отличающее её от остальных. Таня бывала у многих (иногда приходилось заходить по какому-нибудь вопросу к воспитателю или преподавателю), но у Чен Ши она не была, да тут мало кто был, вернее, никто из учеников не бывал! Особенно Таню удивил, даже поразил, пушистый ковёр на стене, на котором были развешаны всевозможные ножи разной формы – большие и маленькие. Пока Чен Ши священнодействовал над чайником, закипающим на вычурной горелке, установленной на маленьком красивом столике (рассмотреть его Таня решила позже, ведь все равно там они чай пить будут), русоволосая девушка спросила у своей рыжей подруги:

– Алиса, а зачем все эти ножи? Особенно вон тот длинный и немного изогнутый? Им же неудобно что-то делать, резать или чистить, уж очень длинный!

– Таня, это не нож, это катана, – ответила Алиса, ничего толком и не пояснив. Попросив разрешения у хозяина. Алиса сняла нож с ковра и сделала им несколько стремительных взмахов, сопровождаемых свистом рассеяемого воздуха, при этом девушка, выгибаясь, словно хотела быть похожей на этот странный нож, двигалась очень быстро. Чен Ши, оторвавшись от приготовления чая (он его готовил не как обычно, а каким-то особенным образом), одобритительно кивнул.

– А-а-а, это такой специальный нож – для танца, – сделала вывод Таня и, проведя рукой по боковой блестящей поверхности и осторожно попробовав пальцем остроту лезвия, недоуменно добавила: – А зачем он такой острый? Ведь можно очень сильно порезаться!

Чен Ши, ничего не сказав, только улыбнулся. Пояснила Алиса:

– Да, это нож для танца, такого специального и очень опасного танца. Древнего танца, этот танец всегда заканчивался порезами. Очень глубокими порезами.

Алиса хотела сказать – смертельными порезами, но решила не пугать подругу, которая смотрела на катану широко раскрытыми глазами. Придя к определённому выводу, Таня сказала:

– Древние танцы были очень опасными, недаром же их запретили и теперь не танцуют!

Алиса засмеялась, приобняв подругу, улыбнулся и Чен Ши, пригласив девочек к низенькому столу, на котором стояли маленькие чашечки и красивый фарфоровый чайник. Весь сервиз был очень оригинально сделан, словно это были драконы большой (чайник) и маленькие (чашки): ручки – причудливо переплетённые драконьи лапы, а сам чайник и чашки – драконьи тела и крылья. Таня, оценив чашечки и чайник, воскликнула:

– Ах, какая красота!

– Чайная церемония – красивый ритуал и требует соответствующего исполнения, – снова улыбнулся Чен Ши. Девочки оторвались от чашек и посмотрели на хозяина, тот продолжил: – Но чайная церемония – сложный ритуал, поэтому мы не будем ему следовать. А просто насладимся душистым чаем, созерцая красоту посуды.

Разлив душистый чай по драконьим чашкам, Чен Ши некоторое время молчал, давая девочкам насладиться чаем, а потом, сказав, что такое чаепитие способствует дружеской беседе, спросил у Алисы:

– Вы продемонстрировали интересное смешение стилей – дракона, тигра и змеи. Но там было ещё что-то неизвестное мне. Это что-то делает вашу манеру ведения бо... Гм, – тут Чен Ши замолчал и, многозначительно глянув на Таню, закончил: – Очень похожей на танец.

– Это и есть отчасти танец, – ответила Алиса и стала объяснять: – Это танец – искусство ведения бо... Гм, называется капоэйра. Она сочетает в себе элементы танца, акробатики, игры и сопровождается национальной музыкой страны, где это искусство появилось. Вы знаете, мне так не хватает этой музыки, я не говорю для спарринга, для тренировки! Я искала такую музыку, но нигде не нашла.

– Очень любопытно, я так понимаю – ваша утренняя разминка-тренировка – именно этот стиль? Хотелось бы это увидеть под музыку. Я постараюсь вам помочь найти музыку.

– Алиса, а ты научишь меня этому танцу? – попросила Таня после обещания Чен Ши помочь найти нужную мелодию. Алиса и Чен Ши переглянулись, и рыжая девочка сказала:

– Почему бы и нет? Элементы танца и акробатики, а уда... выпады можно имитировать.

Элементы необычного для преподавателя физкультуры и спорта боевого искусства девочки разучивали по утрам, до утренней зарядки, вызвав ехидные смешки своих соседок по комнате.

– Тебе не хочется к ним присоединиться и там попрыгать? – ехидно спросила Вайлет у Линны, глядя из окна на Алису и Татьяну. Линна отрицательно покачала головой, а Вайлет продолжила ехидничать: – Боюсь, что скоро и мы там будем прыгать, похоже, это заразно! Таня раньше не спешила на зарядку, а сейчас... Нет, ты посмотри, что вытворяют!

Время после полдника до ужина считается свободным, воспитанники детского дома могли заниматься чем угодно, могли, вообще, ничего не делать, некоторые так и поступали, праздно слоняясь по территории, или сидели где-нибудь в укромном уголке. Но большинство это время использовало для посещения различных кружков и секций. Пал Гаврилыч и Джоан Гравви, как обычно, делали обход, наблюдая за тем, чем занимаются их воспитанники. Около спортзала они должны были разойтись: воспитатель мужчина направлялся туда, где в основном занимались мальчики, а воспитательница – к девочкам. Но ритмичная музыка, доносящаяся из спортзала, привлекла их внимание, переглянувшись, воспитатели направились туда. В спортзале было многолюдно, но это были зрители: младшая группа в полном составе, со своей воспитательницей, ученики старшей группы, специализирующиеся в педагогике, ученики средней группы и ещё несколько из старшей (среди них была Линна Загман). Все смотрели на танцующую пару. Одетые в одежду – просторные белые рубахи и штаны, танцевали Алиса Таволич и Татьяна Томита, танец был очень необычный с массой акробатических элементов. Чем-то этот танец напоминал то, что недавно показали Алиса и мастер Чен Ши, но теперь не было без тех движений, что воспитатели приняли за удары. Девочки, плавно двигаясь, сходились и, коснувшись (вернее, оттолкнувшись друг от друга), взрывались, исполняя каскад прыжков, переворотов и даже сальто! Или взявшись за руки, кружились, перекатываясь друг через друга, словно собираясь куда-то забросить своего партнёра.

– Всё-таки танец, – тихо, чтоб слышал только Пал Гаврилыч, произнесла Гравви. Воспитатель кивнул и ответил:

– Я и не сомневался, Чен не допустил бы драки и тем более не опустил бы до участия в ней, тем более с кем? С одной из учениц! Согласен, танец очень необычный, но раз им нравится – пусть танцуют. Я не удивлюсь, если к этим девочкам ещё кто-то присоединится.

Пал Гаврилыч не ошибся, через неделю перед корпусом прыгали и выгибались не только Алиса и Таня, к ним присоединилась Линна, Клим и Глеб. Было там ещё несколько ребят, той же специализации, что и Линна. Вайлет глядя на них из окна комнаты, пробурчала:
– Всё-таки заразно! Интересно, когда и я так запрыгаю? Пока не тянет.

Глава вторая. Поход в долину круглых камней

Учёба в детском доме «Сосновый бор» была похожа на учёбу во многих подобных заведениях: уроки по общим предметам, уроки по выбранной учениками специальности, дополнительные занятия, свободное время. А на уроках младшей группы (вся группа была разделена на несколько подгрупп, и в каждой уроки проводились по отдельности) иногда присутствовали учащиеся старшей группы (для них это и были дополнительные занятия), выбравшие специальность педагогика. Занятия, проводимые для малышей, совсем не были похожи на уроки, это была игра! Да и домашних заданий не задавали. Домашних заданий не задавали и в старшей группе (как было в средней Алиса не знала), а уроки были похожи на дружеские беседы преподавателя с учащимися. Вся старшая группа делилась на множество мелких групп, в каждой такой подгруппе было не больше семи человек (в подгруппе, где изучали педагогику, было пять учеников), и на каждую такую маленькую группку был свой преподаватель, а то и несколько. Общеобразовательные предметы исключением не были, их тоже читали каждой подгруппе по отдельности. Лишь иногда проводили совмещённые занятия, да и то – не для всей старшей группы. Алиса подозревала, что воспитателей и учителей в этом детском доме было не меньше, чем учеников. Как она выяснила, в других детских домах было так же. Об этом ей рассказал Дэн Саровски, переведенный в «Сосновый бор» из другого детского дома. Всё это было очень не похоже на тот учебный процесс, что знала Алиса. Хоть такая учёба и была необычна для Алисы, её успеваемость была не хуже, чем у остальных. Так прошёл почти год (учебный), Алиса, к удивлению своих товарищей и педагогов, по-прежнему выглядела четырнадцатилетней девочкой, в её-то возрасте дети растут быстро, её соседки по комнате уже выглядели вполне взрослыми девушками!

Известие о каком-то походе, взбудоражившее её соучеников, оставило Алису равнодушной. Экскурсии в музеи, природные заповедники (эти заповедники, ничем отличающиеся от леса-парка вокруг детского дома, разве что наличием якобы диких зверей, берущих корм-угощение из рук посетителей) Алису не впечатлили. Да и посещения нескольких, почти полностью автоматизированных, стерильных производств не вызвали у девушки никаких эмоций, сообщившей, что это больше похоже на аптеку, чем на серьёзное предприятие. На вопрос Тани, что её подруга подразумевает под серьёзным производством, Алиса, пожав плечами, ответила, что там должны делать серьёзные вещи. После долгих и настойчивых расспросов Таня решила, что Алиса имеет в виду капитальное строительство или постройку космических кораблей, девушка попыталась объяснить:

– Так для строительства нужные блоки изготавливают в специальных карьерах, там добывают всё нужное для производства и фабрики там же. А корабли как межпланетные, так и внутрисистемные на орбите собирают, может, нам и туда экскурсию устроят, но что там интересного?

– Да-а-а, в музей проще сводить, он для таких посещений и предназначен, – хмыкнула Алиса, Таня, видя скептицизм подруги, попыталась возразить:

– Но там же интереснее!

Алиса не ответила, только пожала плечами. Вот теперь вся старшая группа пребывала в возбуждении от предстоящей экскурсии, как выяснила Алиса – не экскурсии, а чего-то вроде туристического похода. Клим Шахов, захлёбываясь от восторга, рассказывал:

– Это не просто экскурсия в заповедник, там совершенно дикий лес! Мы там будем семь дней! Будем идти пешком, ночевать в палатках! А в конце выйдем к старому бункеру!

Алиса в очередной раз скептически хмыкнула – вряд ли воспитанников детского дома, пусть и старшую группу, пустят в поход по совершенно дикому лесу. Даже если это нечто не совсем ухоженное, как окружающий «Сосновый бор» парк, учеников без присмотра не

оставят, вернее не присмотра, а тщательной опеки! Действительность превзошла все ожидания Алисы. Утром того дня, когда старшая группа отправлялась в поход, учеников и четырёх воспитателей, погрузили на два пассажирских глайдера. Полёт длился довольно долго, что должно было означать, что залетели в дикую глушь. Об этом, вызвав очередную скептическую улыбку Алисы, таинственным шёпотом переговаривались ученики. Алиса, продолжая улыбаться, пыталась представить, что это за глухая местность, отправляясь в семидневный поход по которой, не взяли ни палаток, ни спальных мешков, да и съестными припасами рюкзаки отважных походников были загружены так, будто те собирались на однодневный пикник. А вот средства личной гигиены и запасная одежда, в том числе тёплая, были у всех. Алиса не смогла удержаться от едкого замечания, что, мол, один плотный завтрак и хорошо вычищенные зубы позволят семь дней шагать, не останавливаясь на ночлег и без еды. Таня поняла, на что намекает её подруга, и как опытный турист, ведь для неё это уже был третий поход, попыталась объяснить, что там, как в любом подобном походе, всё будет. Это объяснение вызвало очередную скептическую улыбку Алисы, но комментировать подобные походные трудности девочка не стала, её заинтересовало громкое перешёптывание ребят-программистов. Немного послушав, Алиса спросила у Тани:

– А что это за старый бункер? Ты о нём упоминала. Вот и Клим об этом говорил, причём с таким восторгом, будто это какое-то особенное место? Так что это такое – старый бункер?

– Почему такое название, я не знаю. Это развалины какого-то древнего сооружения, там ничего особо интересного нет, просто большие каменные плиты, вросшие в землю. По тому, как они глубоко вросли, видно, что эти развалины древние. Просто большие каменные прямоугольники и такие же круглые камни. Очень большие круглые камни, разбросанные на большой площади и почти скрывшиеся под землёй, – ответила Таня, видно, эти развалины и у неё не вызывали такого восторга, как у остальных.

– Так не бывает, – возразила Алиса, – если эти большие камни чьи-то развалины, то сами развалины должны быть ещё больше, и они так просто не исчезнут, оставив только эти камни. И много там этих камней?

– Десятка полтора-два, – вмешался в разговор подруг Саровски. Алиса, кивнув, принимая информацию к сведению, безапелляционно заявила:

– Значит, это не развалины. Такие, как вы говорите, большие камни не могут быть развалинами. Во-первых – они целые, а во-вторых – где всё остальное? Ведь если эти камни – часть развалин, то остальное тоже должно быть не меньше. Куда оно делось?

– Ну-у, там не только круглые камни, но ещё и квадратные есть, те побольше круглых будут, – это сказал Кислицин, вся пятёрка учеников специализирующаяся по педагогике, сидела в одном ряду. Алиса тут же задала очередной уточняющий вопрос:

– И много там таких квадратных камней?

Услышав, что всего три, с прежним ехидством поинтересовалась:

– И что же это такое было? Построенное из трёх квадратных камней и нескольких десятков круглых? Очень больших камней! Хотя... То, что оно развалилось – не удивительно, круглые камни просто раскатились и быстренько вросли в землю, наверное, чтоб их больше не трогали. Квадратные последовали примеру своих круглых товарищей.

– Вот когда придём к старому бункеру, сама увидишь! – немного обиделся Глеб. Алиса тут же спросила:

– А почему эти круглые развалины называются – старым бункером?

Девочка переводила вопросительный взгляд с одного из своих товарищей на другого, но те только пожимали плечами, показывая, что им неизвестно – откуда такое странное название этой местности. Клим Шахов, как самый старший, пояснил:

– Почему эта местность так называется, не знаю, но она так обозначена на всех картах. Кстати, там у нас будет ночёвка, так что можешь, Алиса, сама эти развалины осмотреть. После этого расскажешь, что об этом думаешь. Ведь что-то ты же сейчас думаешь?

– Странно было бы, если бы я не думала не только сейчас, а и всё остальное время. Такое уж человеческое свойство – думать о чём-нибудь, причём делать это постоянно. Или ты не согласен? Вот ты думаешь или нет? – под смехи остальных Алиса задала вопрос Глебу. Тот хотел резко ответить, но не стал этого делать, Алиса всегда находила, что сказать, и побеждала в любом споре, по крайней мере, последнее слово оставалось за ней. А она поняла, что толком ничего от своих соучеников не добьётся, и решила больше не задавать вопросов, рассудив, что на этот старый бункер посмотрит сама, ведь маршрут похода туда и ведёт.

Глайдеры, или как их ещё называли – аэрокраулеры, прибыли на место ближе к вечеру. Туристическая группа из «Соснового бора» после недолгого пешего похода (прошли метров четыреста) вышла на поляну, где уже были оборудованы места для костров и палаток. Вся трудность разбивки лагеря для ночлега заключалась в установке этих самых палаток, которые в сложенном виде лежали тут же. Ставить их помогали несколько лесников-обходчиков, как подозревала Алиса, это были воспитатели или преподаватели из другого детского дома, а возможно, инструкторы постоянно обслуживающие этот «туристический» маршрут. Разжечь костры они тоже помогали, да и продукты для ужина были тут же. Это были саморазогревающиеся консервы, свежий хлеб и упаковки с соком. В общем-то, костры не нужны были, они выполняли чисто декоративную функцию, создавали романтический антураж. Глядя на все эти походные «трудности», Алиса поинтересовалась у Джоан Гравви – зачем они брали с собой рюкзаки и продукты, что положили туда.

– Это сухой паёк, на непредвиденный случай, а вдруг мы заблудимся в лесу? – ответила Джоан, рыжая девочка, серьёзно глядя на воспитателя, согласилась:

– Действительно, а вдруг заблудимся? Сладкое печенье и компот помогут нам мужественно перенести лишения в этом ужасно страшном и очень дремучем лесу.

Гравви и мак Луви переглянулись, девочка была очень серьёзна, когда произносила эту фразу, а вот её смысл... Непонятно было, серьёзно ли это говорит Алиса или смеётся. Алиса с тем же серьёзным видом подошла к своей подруге, устраивавшейся у одного из трёх костров, там один из «лесников», что помогал ставить палатки, собирался играть на гитаре. Таня подвинулась, предлагая Алисе сесть рядом с ней, на лежащее полено. На таких импровизированных «стульях» сидело по двое-трое учеников, и только Таня сидела одна, стараясь занять всё полено. Алиса улыбнулась и поблагодарила подругу, ведь понятно для кого та заняла место.

– Смотри, обычная, не электро! Такой старомодный инструмент! – тихо сказала Таня, Алиса ничего не ответила, с интересом рассматривая не столько гитариста, сколько сам инструмент. Влас, пристроившийся на одном полене со Стасом Максимовым, презрительно хмыкнул:

– Могли бы что-нибудь и получше взять. Для электрогитары не так уж и много надо: усилитель и акустическую колонку.

– Ещё и батарею питания или какой другой источник надо. А кто акустику будет тащить? Ведь она, не такая уж и маленькая, в отличие от усилителя и батареи, – возразил Стас, его поддержал Клим:

– Хорошая акустика маленькой не бывает, можно, конечно, поставить компенсатор частот и эквалайзер, но это будет уже не то. До сих пор ничего лучше деревянного резонатора не придумали, а тут смотри! Сама гитара и есть резонатор, хоть и древний инструмент, но звучит на уровне!

– Это ещё и от исполнителя зависит, – вмешалась Линна, её поддержала сидящая рядом с ней Вайлет:

– Это да, сейчас увидим.

– Уровень лесной самодеятельности, – скривил губы Влас. Хоть этот разговор вёлся тихо, но, видно, гитарист его услышал и, подмигнув, заиграл на своём инструменте. После недолгого проигрыша, он ещё и запел красивым баритоном. Песни были обычные, какие поются в походе: о трудной дороге, о зелёном лесе, о привале у костра и, конечно, о дружбе. Ребята затихли и, затаив дыхание, слушали.

– Хорошо настроена, – сказала Алиса, когда гитарист закончил петь и играть. Тот, быстро взглянув на девочку, коротко спросил:

– Умеешь?

Алиса, молча, протянула руку и взяла предложенную гитару. Поудобнее устроившись (Тане пришлось подвигнуться), рыжая девочка заиграла. Играла она хорошо, даже лучше чем мнимый лесник. Девочка не пела, только играла, но как! Казалось пела гитара, пела без слов. Начавшиеся разговоры стихли, раскрыв рты, воспитанники «Соснового бора» смотрели на девочку. Смотрели не только сидящие у этого костра, слушать Алису пришли и от других. Сидячих мест для этих слушателей не было, они стояли вокруг, стояли не только воспитанники, но и воспитатели и «лесники». Когда Алиса прекратила играть, «лесник»-гитарист тихо попросил:

– Спой.

Алиса не стала упираться и тихо запела. Казалось, что её хриловатый голос звенел, словно колокольчик, дополняя мелодичный перебор гитарных струн. Песня у Алисы была какая-то странная и не потому, что очень старая – так уже не разговаривали, хотя понять можно было не только отдельные слова, но и уловить смысл.

– Шутит история – зло и бесчестье, мир в витражах, как в осколках событий... – слова песни Алисы вроде были вроде понятны, но не совсем. А девочка пела... – не оправдаться и не исправить, цену победы, скребушую память...

Непонятны некоторые слова, не совсем понятен смысл, но было в этой песне что-то такое, заставляющее в тоске сжиматься сердце, словно случилась потеря чего-то дорогого, которого уже не вернуть. Прозвучал последний аккорд, и повисла тишина. Такая осязаемая тишина, что казалось, её можно пощупать. Эту тишину никто не решался нарушить, будто боялись, что она со звоном рассыплется. Нарушила её Таня, прошептав:

– Ещё!

– Ветер треплет стремя, гонит время скакуна, как на гору не взбирайся – вся дорога не видна. Не умеешь, не берись, не умеешь, но дерись... – запела Алиса на том же языке. Почему надо драться, если не умеешь? И разве можно вообще драться?! Остальные слова и смысл были так же не совсем понятны и даже в чём-то, можно сказать, крамольны, но песня куда-то звала, волновала, будила какое-то неясное желание. Может, дело было не только в песне, но и в исполнителе? Вернее, в исполнении? И снова повисла тишина, когда замолчала Алиса, и опять её нарушила Таня, выдохнув:

– Ещё!

– Кто не помнит былого, тому отомстят перекошенным днём сегодняшним... – снова непонятная песня Алисы вызвала противоречивые чувства. Опять в этой песне была если не прямая пропаганда насилия, то явный намёк на него. Воспитатели переглянулись, но как поступить не знали – прекратить пение девочки? Это может вызвать недовольство учеников, которые чуть рты не пооткрывали, слушая Алису. Но ничего предпринимать не пришлось, к большому облегчению педагогических работников «Соснового бора», девочка после третьей песни молча передала гитару её владельцу. Тот, взяв инструмент, спросил:

– Эти песни... Слова откуда? Сама придумала? А мелодии?

– Это очень старые песни, – ответила Алиса, гитарист кивнул, ведь это было и так понятно, но девочка пела эти песни без всяких усилий, словно хорошо знала этот, хоть и понятный, но уже давно архаичный язык. Алиса продолжила объяснять: – Автор песен – Алькор. Она очень давно жила, как её звали, я не знаю. Алькор – это её псевдоним.

– А где ты так на гитаре научилась играть? – спросила Татьяна Томита, смотревшая на свою подругу восхищёнными глазами. Таню поддержала Линна:

– Чтоб так играть, надо долго учиться! Нужно очень много времени на это потратить, а ты...

Загман хотела сказать – когда же Алиса успела выучиться, ведь играет она виртуозно, а сама ещё совсем молодая, можно сказать – маленькая ещё! Рыжая девочка, улыбнувшись, пояснила:

– Времени было больше, чем достаточно, что делать после вахты? Всё равно сидеть в той тесной железной коробке...

– Зачем же сидеть, можно же куда-то сходить, просто погулять. Зачем же сидеть в железной коробке? Выйти же всегда можно и отправиться посмотреть... – предположила Линна. Но Алиса не дала ей досказать, продолжая улыбаться, ответила:

– Куда отправиться? Куда с подводной лодки денешься? А гулять только сначала интересно, хотя просто болтаться на привязи не очень интересная прогулка. Приедается. Тем более что космос быстро надоедает.

Мало кто что понял из ответа Алисы, уточнять не стали – пришло время ложиться спать, на что и указали воспитатели, ученики разошлись по палаткам. Устраиваясь спать рядом с подругой, Таня, выглянув из своего спального мешка, спросила:

– Алиса, а тебе не было там страшно?

– Где? – искренне удивилась рыжая девочка, Томита уточнила:

– Ну, там, в подводной лодке, вокруг которой был космос. Ты же говорила, что с неё некуда деться. А что это за лодка, да ещё подводная, если она в космос вышла? Это такой многоцелевой транспортный аппарат? Да? Наверное, страшно на подводной лодке в космос выходить, да?

Алиса тихонько засмеялась, но ответила очень серьёзно:

– В космос выходить? Нет не страшно, бояться я уже очень давно перестала. А почему подводная лодка?... Это так говорится, когда сбежать откуда-то нельзя. А на самом деле это был патрульный фрегат третьего класса, это ещё хуже, чем подводная лодка, он вообще не предназначен для посадки на поверхность планеты, тем более для ныряния под воду. Это что-то среднее между кораблём и стационарной боевой станцией. Такие фрегаты предназначены для несения патрульной службы, выходит такой кораблик в определённую точку пространства и несколько месяцев там болтается, пока не сменят.

– А если не сменят? – спросила Линна, прислушивающаяся к разговору, Алиса тихо хмыкнула:

– А если не сменят, продолжает нести службу, то есть там же болтаться. Вот так я и болталась четыре смены подряд, всё в том же месте, тоска – смертная! Там любой чем угодно займётся, чтоб с ума не сойти. Вот я на гитаре и выучилась. Благо, учитель хороший был, и ему, и мне интересно было. Но хорошо, что на гитаре...

– А почему хорошо, что на гитаре? – тут же поинтересовалась Линна. – Хорошо, потому что красиво?

– Нет, – хмыкнула громче Алиса, – хорошо, потому что тихо, если бы на трубе, то нас обоих бы за борт выкинули с этой трубой, но без скафандров. Давайте спать, а то завтра очень тяжёлый переход по этому страшно дикому лесу.

Алиса демонстративно зевнула, показывая, что продолжать разговор не намерена. Девушки ещё немного пошутукались делясь впечатлениями от полученной информации, и

заснули, а Алиса еще долго лежала в темноте с открытыми глазами, слушая то, что о ней говорили в палатке воспитателей, хоть до неё было довольно далеко, Алиса всё слышала.

– Всё-таки станция, а не колония на отдалённой планете. Но вполне может быть, что станция при такой колонии, только в очень дальних колониях, не имеющих постоянной связи с остальным миром, может сохраниться архаичный вариант языка, – говорил Пал Гаврилыч, Мирра мак Луви ему возразила:

– Такого не может быть, со всеми отдалёнными колониями есть регулярное сообщение, там просто не может развитие застыть на таком уровне, чтоб язык не менялся.

– А может, этот архаичный язык сохранился на бытовом уровне? – сделала предположение Джоан Гравви, её поддержал воспитатель, что изображал «лесника»-гитариста:

– Судя по тому, как она пела, этот язык для неё не чужой. Могу сказать, что песню она не заучивала а вполне сознательно запомнила. Уверен, что эта девочка на этой архаике может свободно разговаривать.

– Вот! Разговорная практика у неё есть! Значит, она с кем-то разговаривала, не с зеркалом же! А её слова о вахтах и железной коробке? Вряд ли такое важное дело, как несение вахты, доверили девочке, но она могла быть рядом с дежурным. Такое может быть только на жилой станции, где люди живут постоянно, а не там где меняются смены! Это возможно, если станция очень удалена от колонии и находится над планетой, непригодной для жизни, или далеко в космосе. Пояс астероидов у звезды, не имеющей планет, или что-то подобное, – Пал Гаврилыч продолжал отстаивать свою версию того, что Алиса в детский дом попала с какой-то отдалённой станции. Ему возразил один из воспитателей, изображавших лесников:

– Странно, что на такой станции так долго ребёнок находился. Его сразу должны были направить в детский дом по достижению пятилетнего возраста, а не мариновать на станции. Вы же говорите, она недавно у вас. Маловероятно, что она была только на своей станции, пусть даже жила там довольно долго. Дети, впервые попадающие в коллектив, немного теряются, а она ведёт себя очень уверенно. Или так было не всегда?

– Да нет, она сразу так себя вела. При этом ни с кем особо не сближалась, но и не замыкалась в себе. Отношение к сверстникам у неё такое, как будто те намного младше её... – начала говорить Гравви, ей возразила мак Луви:

– А Татьяна Томита? По-моему, они очень дружны.

– Можно сказать – общий интерес, но доминирует в этой паре Таволич. Куда Алиса, туда и Татьяна, а ведь по возрасту Томита старше, ну так выглядит, но главенствующую роль в этой паре играет Таволич, – покачала головой Джоан. Один из местных педагогов с изумлением глянул на своих коллег из «Соснового бора», после чего спросил:

– Что значит выглядит? Разве в личном деле не указан возраст этих девочек?

– У Томита указан, к тому же она с семи лет у нас. А Таволич поступила год назад и в личном деле ничего нет о её возрасте, там вообще ничего нет кроме имени и фамилии! Только рекомендации: относиться к девочке крайне осторожно! Ещё медицинские данные: ментограмма, сведения о прививках, – усмехаясь, пояснил Пал Гаврилыч. Местные воспитатели на него с удивлением посмотрели, и один из них сделал предположение:

– Тайна рождения? Но и в этом случае возраст должен быть указан! А в ментограмме...

– Зубец Кухарченко-Риммана отсутствует, – сказала Джоан Гравви, на что один из местных воспитателей заметил:

– А её песни... Клинки, кровь... И это не вызывает у неё неприятия.

– Так и не у кого не вызвало, – возразил местный воспитатель, у которого Алиса брала гитару. Первый задумчиво произнёс:

– Смотря, как это преподнести, как об этом сказать, на этом акцент не делался, упомянуто было как бы вскользь, да и исполнение... Надо сказать – девочка талант, так всех заморозить и ментального воздействия не было. Кстати, у неё есть способности?

– Есть и немаленькие, – ответил Пал Гаврилыч и сообщил: – Но сейчас она их не применяла, я смотрел. А вообще-то, она их постоянно использует.

– А как она их применяет? Если её способности выявлены, значит она и раньше свои ментальные силы уже где-то использовала, вы говорите, и сейчас применяет, как и для чего? – быстро спросил местный воспитатель (не гитарист). Ответила Джоан Гравви:

– Сказки малышам рассказывает, очень добрые сказки. Не просто рассказывает, а ещё и показывает, как голофильм. Такое же качество. Вот так она использует свои немалые способности. Сначала это очень настораживало, а потом поняли, что малышам от этого вреда нет. Алиса своим подопечным вреда не причинит, здесь всё в порядке.

– Странная девочка... – начал говорить местный воспитатель, но Алиса его уже не слушала. Решив, что разговор воспитателей ей неинтересен, она повернулась на бок и заснула.

Утром, после пробудки, была обязательная физзарядка, вот тут воспитанники «Соснового бора» (не все, только некоторые) удивили местных своими необычными акробатическими танцами. После зарядки – умывание, но место где это можно было сделать, оказалось очень узким (удобный спуск с обрывистого берега к довольно широкой и глубокой речке). Воспитанники выстроились в длинную очередь, как Луви, пересчитав учеников, обнаружила отсутствие двоих. Стараясь не паниковать, она сообщила об этом местному воспитателю-инструктору:

– Нет двух девочек – Алисы Таволич и Татьяны Томита! Куда они делись? Даже не могу представить! К речке тут спуститься можно только в одном месте, неужели они в лес пошли!

Воспитатель-«лесник» (это был гитарист) внимательно осмотрел траву у палатки и поманил Мирру за собой. Пройдя метров триста вдоль берега речки, воспитатели вышли к месту, где берег перестал быть обрывистым, до воды было не больше полуметра. На берегу сидела Таня и смотрела на широко разлившуюся в этом месте речку, Мирра попыталась сказать, вернее, спросить – а где вторая девочка, но местный воспитатель приложил палец к губам, показав на реку. Там, почти на середине, из-под воды показалась рыжая голова Алисы. Девочка закричала:

– Тань, давай сюда! Вода только кажется холодной!

Татьяна поднялась и стала раздеваться, а Алиса, подплыв к берегу, резким движением выметнулась из воды и ухватилась за ветку, нависшую над гладью реки. Подтянувшись, девочка легко забралась на ветку повыше и, раскачавшись на ней, прыгнула в реку, сделав сальто в воздухе. Это было сделано так быстро, что обнажённое тело Алисы только мелькнуло над водой. Вслед за подругой в реку прыгнула Таня, прыгнула без затей, просто с берега, не делая сальто как Алиса. Если Таня плавала хорошо, то Алиса это делала очень хорошо. Девочки некоторое время поплескались и выбравшись на берег, стали обтираться заранее принесенными полотенцами, потом оделись и пошли к общему лагерю. Проходя мимо кустов, за которыми притаились воспитатели, Алиса повернула в ту сторону голову и громко произнесла:

– А подглядывать нехорошо! Могли бы и подойти, мы убежать не стали бы.

После этого замечания Алиса что-то тихо сказала Тане, и обе девочки захихикали, удаляясь в направлении лагеря. Воспитатели переглянулись, и покрасневший мужчина сказал:

– А ведь она нас заметила! Как это у неё получилось, не знаю, но она нас видела! Как только мы подошли, так и увидела!

– Так зачем же она?... – начала как Луви, мужчина вздохнул:

– Мне кажется, чтоб меня смутить. Вторая девочка не раздевалась, пока та рыжая, собираясь выбираться на берег, не сказала ей что-то, вот они обе и стали купаться нагишом. Думаю, что они это нарочно сделали, чтоб меня подразнить. А вы видели, как эта рыжая плавала? Выросшие в тесной железной коробке так плавать не умеют. Да, на современных

станциях уже есть бассейны, но там так плавать не научишься, это можно сделать только на планете с нормальным водоёмом.

Мирра ничего не сказала, только кивнула: эта девочка преподносила всё новые и новые загадки. Получается, что она жила не только на какой-то из дальних орбитальных станций, но и на планете с нормальными условиями для жизни. Для того чтоб научиться так плавать, да и прыгать в воду, нужен соответствующий водоём, а не бассейн орбитальной станции.

Алиса, хоть они и шли впереди воспитателей, слышала разговор тех, слышала и улыбалась, представляя, какие догадки они строят о том, где и когда Алиса могла научиться всему тому, что умеет. Девочки успели на поляну, где был разбит лагерь, как раз к завтраку. Костры, на которых якобы был приготовлен завтрак, уже были потушены, а кашу (Алиса сказала Тане, что это не каша, а скорее – что-то напоминающее кулеш) на выданные детям тарелки накладывали из больших термосов.

– Когда мы с тобой уходили купаться, а остальные умываться, костёр ещё не был разложен. Его ещё надо было разжечь, а теперь скажи, сколько нужно времени, чтоб это сделать, сварить кашу и вскипятить воду для чая? – уплетая кашу, спросила Алиса у Тани. Та удивлённо подняла бровь, а рыжая девочка продолжила: – А потом это всё, зачем-то разложить по термосам?

– Наверное, для того, чтоб не остыло, – сделала предположения Таня, Алиса презрительно хмыкнула, а Джоан Гравви обеспокоенно спросила:

– Вам походный кулеш не нравится? Или уже остыло?

– Нравится, – ответила Алиса и, хитро глядя на воспитательницу, сделала замечание: – Только это не кулеш, это каша на него похожая, кулеш не так варится. Если хотите, я на следующей ночёвке сделаю. А что для него надо приготовить, могу сейчас сказать, чтоб успели к вечеру на место следующей ночёвки доставить.

– Интересно, – сказала Джоан и записала всё, что говорила Алиса, записала не на бумагу, а на портативное записывающее устройство. Алиса заметила, что флешкарту из этого устройства Гравви, передала одному из «лесников», оставшихся на месте ночёвки.

Воспитанники «Соснового бора» растянулись длинной цепочкой на тропинке, проходящей через этот дикий лес. Если бы тропинка была заасфальтирована или имела какое-либо другое покрытие, Алиса не удивилась бы. Тропинка была очень хорошо утоптана, и по ней, не далее как вчера, прошли люди, в количестве, не уступающем сегодняшнему. О чём девочка и поведала своей подруге, это услышал Влас, который, презрительно кривясь, стараясь привлечь внимание остальных учеников, громко спросил: – С чего это Алиса взяла, что здесь прошли люди? – К ним сразу подошёл Пал Гаврилыч, воспитатели, зная об отношениях Алисы и Власа, не хотели допустить конфликта. А рыжая девочка, не отвечая Власу, стала объяснять Тане и остальным заинтересовавшимся:

– Вот смотрите, на тропинке следов не видно, оно и понятно, по ней всё время топчутся, а вот тут с дороги сходили. Видите, две веточки сломанные, вернее, не сломанные, а чуть-чуть надломленные. Эту зацепили ногой, а эту плечом. А вот и следы, трава примята, вокруг ровная, а тут наклонена в одну сторону – вот туда и шли. Всего полдесятка шагов в том направлении.

Всё о чём говорила Алиса стало заметно только тогда, когда она об этом сказала, и не только сказала, но и показала. Девочка сама сошла с тропинки и двинулась в указанную ею сторону, идя вдоль едва видимой цепочки следов, но сама Алиса следов не оставляла! Она шла не приминая траву, будто её не касаясь. К этому привлёк внимание Пал Гаврилыча и Мирры мак Луви один из «лесников», подошедший вместе с ними, тихо сказав:

– Смотрите, шаг следопыта! Чтоб так ходить, долго учиться надо, она ставит ногу так, чтоб не приминать траву. Вернее, трава сразу распрямляется, когда эта девочка ногу убирает.

Не совсем распрямляется, следы всё равно остаются. Так ходят только жители леса или долго живущие там.

– Но я её следов не вижу! – удивилась Мирра мак Луви, «лесник» улыбнулся и так же тихо, как и раньше, пояснил:

– Смотреть, чтоб увидеть, тоже надо уметь. Не удивлюсь, если эта девочка...

«Лесник» не договорил, Алиса наклонилась и показала надорванный стебель:

– Вот! Смотрите, эта девочка пошла сюда, чтоб сорвать этот цветок. Видите, место разрыва стебля ещё не засохло, значит, его сорвали недавно. Вряд ли это сделали ночью. А до нас сегодня здесь никто не проходил, следовательно, цветок сорвали вчера.

– Ну ты прямо следопыт «Верный глаз», – продолжая кривить губы, сказал Влас, остальным объяснения Алисы понравились, а Таня, восторженно глядя на подругу, показав на цветы, росшие на полянке, спросила:

– А мне можно такой цветок? Я тоже хочу!

Алиса, обратившая внимание на то, что все ученики дисциплинированно стоят на тропинке, не пытаясь с неё сойти, хмыкнула:

– В дремучем лесу по газонам не ходить, траву не топтать, цветы не рвать. Диких зверей не пугать и тем более не кусать!

Вопросительно глядя на «лесника», Алиса поинтересовалась – можно? На этого воспитателя умоляюще смотрели другие девочки, вздохнув, «лесник» разрешил:

– Можно! До привала нам совсем немного осталось, так почему бы не сделать его здесь?

Девушки, под снисходительными взглядами парней, разбрелись по полянке, собирая цветы. Алиса тоже собрала букет, а поскольку на полянку она вышла раньше всех, то её букет был самый большой. Потом девочки стали плести венки, свой букет Алиса отдала Тане, та, перед тем как принять подарок, спросила:

– А ты? Ты почему не хочешь сплести веночек? Или не умеешь? Я тебя научу!

– Умею, – ответила Алиса и, улыбаясь, пояснила: – Только боюсь, что не получится такой красивый, как у тебя. Давно я плела веночки, не думаю, что разучилась, но уже не так хорошо получится.

– Давно плела, – ехидно заметил Влас, подошедший к подругам. Глядя на Алису, с тем же ехидством спросил: – А как давно? Сколько тебе лет?... Четырнадцать или меньше? На больше ты не выглядишь!

Спрашивая сколько лет Алисе, Влас хотел добавить – малявка, но вовремя остановился, вспомнив, какую трёпку девочка ему устроила. Оглянувшись на беседовавших воспитателей, Влас решил не задирать Алису, хоть воспитатели не дадут девочке снова его побить, но ведь она может едко ответить, в чём он уже не раз убеждался. Влас уже пожалел, что решил подколоть Алису.

– Сколько ни есть, все мои. Тебе не дам, недостоин! – улыбаясь, ответила Алиса, при этом показала язык. Но видно ей этого показалось мало, девочка свернула язык трубочкой, после чего ещё добавила: – Дылда!

– Обзывать нехорошо! Некрасиво и несолидно, – Влас попытался, хоть словесно, урезонить эту маленькую нахалку, а та, ещё раз показав язык, заявила:

– А мне можно! Я ещё маленькая! Солидно выглядеть мне необязательно!

Влас быстро отошёл от подруг, жалея, что связался – Алису всё равно не переспоришь, тем более какой может быть спор, когда в качестве главного аргумента показывают язык! А воспитатели, стоя в стороне, не вмешивались, хотя и говорили об Алисе.

– Трудно поверить, что эта девочка большую часть жизни жила на орбитальной станции. Так плавать, как она, да и навыкам следопыта, там невозможно научиться, – говорил воспитатель-«лесник», который видел, как купались Алиса и Таня. Мирра мак Луви согласно

кивнула, она ведь тоже смотрела, как плавала и ныряла рыжая девочка, а Джоан Гравви поинтересовалась, почему её местный коллега пришёл к такому выводу, тот продолжил пояснения: – Девочка чувствует себя в воде как рыба, такой результат в бассейне, тем более в бассейне орбитальной станции – недостижим! Но есть ещё её навыки следопыта, такому можно научиться в только лесу. Скажете – надо знать куда смотреть и быть внимательным? Этого мало, очень мало! Это надо чувствовать! А то, как она ходит? Обратили внимание? Там где она прошла, через полчаса следов не останется! Так ходить – надо талант иметь! Но одного таланта мало, нужно ещё этому учиться, ну и – долгая практика! Я не говорю, что такому на станции, как бы она не была хорошо оборудована системами жизнеобеспечения, имитирующими живую природу, не научишься!

– То, что Алиса долгое время жила на орбитальной станции, мы знаем только с её слов и то, невзначай обронённых, – задумчиво произнесла Гравви и добавила: – Девочка обещала сварить настоящий кулеш, на костре сварить! А этому на станции не научишься, готовка на костре и на электрической плите – совершенно разные вещи!

– Думаешь, Алиса говорит неправду? – задал вопрос Пал Гаврилыч, Джоан ответила:

– Не похоже, да и зачем это ей? Дети иногда обманывают, желая похвастаться, а Алиса просто вскользь упомянула и заметно, что эти воспоминания ей удовольствия не доставляют. Вряд ли это хвастовство.

– Но она это сделала же! Зачем это ей надо? – не успокаивался Пал Гаврилыч. – Если она о станции упомянула, хоть и в такой завуалированной форме, значит хотела, чтоб об этом узнали!

– Пал, не приписывай ребёнку хитрых замыслов! – возмутилась мак Луви. – Она ещё слишком мала для этого!

– Но когда она это всё успела? – не сдавался воспитатель, Джоан Гравви примиряющим тоном сказала:

– Не надо строить предположения, Александр Андрианович послал запрос в центральный педагогический совет о Алисе Таволич, думаю, к тому времени, когда вернёмся из похода, ответ уже придёт.

После привала поход продолжался, и на ночёвку остановились на поляне с оборудованными местами для палаток, но палатки ещё не были установлены, и дети этим занялись. Только Алиса не участвовала в этой суете, она подошла к большому котлу, гораздо большему, чем те, что были на месте первой ночёвки. Там уже стоял «лесник», оставшийся на прежнем месте (интересно как он сюда попал, не пешком же? Разве, что прилетел на глайдере), и ещё один незнакомый, сразу же спросивший у Алисы, как она собирается готовить кулеш и как долго это будет?

– Если у меня не получится, тогда можете достать свои термоса, – рыжая девочка кивнула в сторону ближайших кустов. Мужчина непроизвольно посмотрел в ту сторону, выдавая себя, Алиса улыбнувшись, поинтересовалась: – Вы же повар, а не воспитатель, хотя и оделись, как лесник.

«Лесник»-воспитатель смутился, а Алиса стала готовить кулеш, комментируя свои действия для повара:

– Это хорошо, что вы разожгли костёр и приготовили всё то, что я просила. Вот смотрите, берём котёл и ставим его на огонь.

– Без воды?! – изумился повар, Алиса согласно кивнула:

– Без воды, он должен хорошо прогреться. Затем мелко нарезанное сало кладём в котёл, теперь, когда сало обжарилось, добавляем тоже так порезанный лук. Смотрите-ка, он только что порезанный! Это вы сделали? – спросила Алиса у повара, тот подтвердил, а девочка продолжала процесс приготовления оригинальной пшённой каши, сопровождая его пояснениями. Поскольку всё уже было порезано (так как и просила Алиса), процесс приготовления

кулеша не был долгим. Пока ставили палатки, всё уже было приготовлено. Как сказал повар (притворяющийся местным лесником) – блюдо удалось на славу! Он такого совсем не ожидал! Походный кулеш действительно удался. Это была не каша из термосов, а удивительное блюдо с дымком, приготовленное на костре. Все ели и хвалили, Алиса только улыбалась, не столько от похвал в свой адрес, сколько слушая вновь возникшее обсуждении воспитателями своей персоны: когда и где четырнадцатилетняя девочка научилась так готовить и не на электроплите, а на костре!

После ужина все снова сидели у костра, слушали игру на гитаре «лесника»-гитариста, слушали его песни и пели сами. Алиса больше не играла, а если пела, то вместе со всеми те песни, что обычно поются в таких походах. Три дня похода прошли без происшествий, можно сказать, однообразно – днём шли, а вечером пели под гитару у костра. Алиса больше не играла, хотя её просили – аргументировала отказ тем, что устала. Кулеш варили ещё раз, на этот раз варил повар-«лесник» (теперь под присмотром Алисы), который вместе со всеми не шёл, но вовремя оказался в нужном месте. Все были очень довольны, а Алисе было скучно, но вида она не показывала. На пятый день похода, по оживлению своих товарищей, Алиса поняла, что сегодня выйдут к старому бункеру с раскатившимися, а потом вросшими в землю камнями.

К этому месту вышли около полудня, там же собирались делать привал. Тропинка, перевалив через водораздел, вела в долину с пологим холмом в центре. На этом холме тругольником расположились три больших плоских камня (может, камни были и не плоские, но то, что выступало над землёй, напоминало стол), вокруг холма, словно скатились с него, лежали вросшие в землю круглые камни. Круглые они или нет определить было нельзя, но те небольшие полусферы, что торчали над землёй, были почти идеально круглыми. Эти круглые камни были двух размеров – большие и маленькие. Большие круглые камни, как и плоские, были одного размера: около двадцати метров в диаметре и возвышающиеся над землёй метра на два; малые – диаметром метров пять и, примерно метр высотой (видимая над землёй часть). Поросль между камнями была гораздо моложе чем остальной лес. Воспитанники «Соснового бора» с радостным гомоном устремились в долину со странными камнями. Около одного из крайних круглых валунов уже было приготовлено место для разбивки лагеря. Там же горел костёр, около которого священнодействовал повар, притворяющийся лесником. Его взгляд нашёл Алису (что было не трудно – из всех детей только она была рыжая), и повар помахал девочке рукой, а она, не разделявшая общего восторга, словно поражённая увиденным, застыла на тропинке, ведущей в эту долину необычных камней. Таня тоже остановилась рядом с подругой и удивлённо спросила:

– Алиса, ты чего? Мы же тебе про эти камни рассказывали!

– Интересно девки пляшут, – ответила Алиса непонятной фразой. Таня удивилась ещё больше:

– Какие девки? И почему пляшут? Здесь же их нет!

– Алиса, разве можно так грубо говорить, – сделала замечание мак Луви, тоже остановившаяся с девочками на тропинке. Алиса ничего не ответила, девочка выглядела серьёзней, чем обычно. Спустившись к будущему походному лагерю, она не стала принимать участие в общей суеде или, как обычно, помогать в приготовлении кулеша, а внимательно наблюдала за группой ребят, у которых была специализация разные направления программирования. Те о чём-то с таинственным видом пошушукались, а потом направились к одному из больших квадратных камней, Алиса пошла за ними, Таня последовала за своей подругой. Воспитатели переглянулись, и Пал Гаврилыч поспешил за этими, что-то задумавшими учениками. Алиса подошла к Вайлет, наблюдавшей за действиями своих товарищей, та пояснила чем те занимаются:

– Прошлый раз от этого большого камня отвалился кусочек, а под ним оказалась железная пластина. Стас определил, что это не просто железка, а что-то вроде замка, ведь на ней были углубления для бесконтактных ключей и прозрачное окошко, правда, разобрать, что там, за бронестеклом, было невозможно, Стас сказал, что это похоже на дисплей запирающего устройства.

– С чего вы решили, что стекло бронированное? – спросила Алиса, Вайлет Снот ответила:

– А его не то что разбить, даже поцарапать не получалось!

Подтверждая слова Снот, Максимов приложил к выемке в камне (только вот в камне ли?) какой-то предмет, от которого к сумке Стаса тянулся жгут проводов. Быстро чем-то пощёлкав в сумке, мальчик, скорее, юноша победно улыбнулся, повернувшись к зрителям, но тут же полетел на них от сильного удара в спину, из зрителей тоже никто не устоял на ногах. От травм детей спасло только то, что обрушение одной стороны камня (как оказалось, валун был не цельным, с этой стороны была стена, прикрывающая металлическую плиту) произошло не на зрителей, а в сторону.

– Ложись! – закричала Алиса, только она и Таня устояли на ногах, так были дальше всех от обрушившейся стены и, повернувшись к Пал Гаврилычу, снова закричала: – Уводи всех из этой долины!

Алиса кричала воспитателю, прыгнув вперёд, подхватывая с земли два камня. Для чего она это сделала, сразу же стало ясно: из отверстий в стене высунулись две металлические трубки и плюнули огнём! Алиса с силой вбила камни в отверстия, заклинивая начавшие опускаться трубки. А они продолжали грохотать, выплёвывая новые порции огня и ещё чего-то, похожего на быстро летящих огненных пчёл, сбивавшего ветки над головой детей. Алиса подскочила к светящейся поверхности, что действительно оказалась замком и что-то там сделала, часть плиты между продолжавшими грохотать трубками стала подниматься, скорее, переворачиваясь, открывая чёрную пустоту. Алиса нырнула туда, за ней последовала Таня, не отстававшая от подруги. Пал Гаврилыч отметил, хоть и начал кричать поднимающимся детям, чтоб бежали подальше от этих камней, что прыжки Алисы, да и Тани были очень похожи на элементы того странного танца, которым девочки занимались по утрам и в свободное время. А заклиненные Алисой трубки гремели, уже почти перебив деревья, которые оказались на пути огненных сгустков. Хоть Алиса и заклинила эти трубки, ограничив их вертикальное перемещение, но горизонтально они могли немного двигаться, что и делали, постепенно расшатывая камни их державшие. Пал Гаврилыч подгонял испуганных учеников, с ужасом ожидая, что камни вывалятся и трубки опустятся, тогда огненные пчёлы смогут достать детей! Добежав до лагеря, воспитатель поднял всех, заставил всё бросить и убежать из долины камней, или как её ещё называли – старого бункера. Возразил только повар-«лесник», уже почти доваривший кулеш, но разлетевшаяся часть ближайшего камня и поднявшаяся оттуда металлическая башня с трубкой, выпустившей огненную струю, заставила и его бежать. Но было поздно: огненные пчёлы разорвали повара почти пополам, пробив котёл с кулешом насквозь. Огненные пчёлы из этой башни сумели достать и Пал Гаврилыча, бежавшего последним и не успевшим скрыться за гребнем водораздела, он упал и покатился вниз, хорошо хоть в ту сторону, куда убегали! А огненные пчёлы резали деревья, растущие на земляном гребне, за которым скрылись все участники этого злосчастного похода.

Оказавшись за преградой, которую огненные пчёлы не смогли преодолеть, один из «лесников» начал перевязывать ногу и руку Пал Гаврилыча, а второй по переговорному устройству стал кого-то вызывать. А Джоан Гравви, пересчитавшая подопечных, спросила:

– А где Томита и Таволич?

– Они там... Там где это... Остались! – вскрикнула Линна, прислушиваясь к грохоту, доносившемуся из долины. – Они там! И это их!..

Что их, было и так понятно. А грохот внезапно стих, словно, сделав своё дело, эти страшные огнедышащие трубки удовлетворённо замолчали. Загман, глянув на окровавленного Пал Гаврилыча, вскрикнула:

– Всё! Их... Там уже!..

Девушка заплакала, её многие поддержали, Максимов постарался утешить плачущих:

– Они успели там спрятаться, может, эти огненные комочки их и не достали!

– Куда спрятаться? – спросила мак Луви и тихонько сказала: – Там невозможно спрятаться, эти башни поднялись из всех больших куполов, а из квадратных вылезло по несколько!

– По четыре, некоторые больше тех, которые стреляли, там трубки толще, но они не стреляли. Это не пулемёты, а что-то другое, – с видом специалиста произнёс Влас. Глеб Кислицын спросил:

– А ты откуда знаешь, что это пулемёты и что они стреляют?

– Читал и на картинках видел – такая тонкая трубка, а из неё пули вылетают. Пули – это такие маленькие арбалетные болты, только не из пластика, а железные. И их сразу много вылетает. Да вы сами это видели.

Ученики повернулись к одному из «лесников», тот подтвердил, что да – это действительно пули и их выбрасывает пулемёт из тонкой металлической трубки, называемой стволом, а вот что за толстые стволы, которые видел Влас, он тоже не знает.

Что это за большие трубки стало ясно, когда прилетел глайдер, который вызвал один из «лесников». Снова раздался грохот, более громкий, чем от пулемётов, и к летающей машине потянулись огненные трассы, только толще тех, что были когда стреляли пулемёты. Огненные пчёлы, размером с кулак, рвали глайдер, и то, что от него осталось, рухнуло в долину. Джоан Гравви, глянув на так и не пришедшего в себя Пал Гаврилыча, с ужасом произнесла:

– Там всех, вот так... Убили!

«Лесник» снова что-то говорил по переговорному устройству, а потом, кривя губы, сообщил:

– Рекомендуют нам уйти назад по маршруту, как можно дальше. Надо сделать носилки, чтоб перенести...

Досказать «лесник» не успел, из его устройства раздался громкий голос человека, привыкшего командовать:

– Здесь полковник Йенсен, силы самообороны. Туристическая группа «Соснового бора» доложите обстановку! Докладывайте по существу, без лишних эмоций!

– Мы ушли за гребень, нам посоветовали уходить отсюда как можно дальше, но у нас раненый, серьёзно раненый. Чтоб его транспортировать, нужно сделать носилки. На это надо время. Отпустить учеников только с воспитательницами я боюсь. Что делать?! – произнёс «лесник» в переговорное устройство. Но несмотря на своё отчаяние, не смог удержаться от колкого замечания (высказанного не в свою миниатюрную рацию): – Полковник, силы самообороны, раскомандовался, агресс!

– Если вы вышли из зоны обстрела, оставайтесь на месте и... – послышалось из рации. Джоан Гравви, не дослушав, закричала:

– Там остались две девочки! Сделайте же что-нибудь!

– Ситуация под контролем, не надо волноваться... – спокойно начал отвечать голос полковника, но Джоан, не успокаиваясь, снова закричала, что в долине остались две ученицы. Полковник прежним размеренным голосом сообщил, что всё под контролем, девочки в безопасности.

– Чёртов агресс! В какой безопасности могут быть Таня и Алиса, когда только что уничтожили глайдер, что прилетел к нам на помощь! – не могла успокоиться Гравви. Её поддержала мак Луви.

– Есть там адекватные люди? – спросил полковник Йенсен усталым голосом (видно, ему надоело объяснять) и добавил: – Повторяю, ситуация под контролем, через пять минут у вас будет группа быстрого реагирования.

Опровергая слова полковника, пулемёты снова загрохотали как маленькие, так и большие, сшибая не только ветки, но и деревья, которые были видны из-за земляного бугра, отделявшего воспитанников «Соснового бора» от страшной долины. Эти пулемёты своими пулями не только срезали деревья, но и срыли верхний слой грунта с земляного гребня.

Глава третья. Бункера разного назначения

Таня непроизвольно прыгнула и побежала за Алисой, когда та стремительным броском заклинила подобранными камнями извергающие огонь трубки, не давая тем опуститься и направить свой огонь на ребят. Таня прижалась к каменной стене, стараясь не смотреть вверх на эти тонкие и страшные палочки, показавшиеся поначалу такими безобидными. Но испуг не помешал девушке внимательно наблюдать за действиями подруги, и когда та нырнула в темноту коридора, показавшегося за поднявшейся металлической плитой, Таня последовала за ней. Девушка ойкнула, осознав, что сделала, когда плита с лязгом опустилась, отсекая её от внешнего мира – зелёного леса, голубого неба и яркого солнца! Оглянувшаяся Алиса, бросив: – «Не отставай», побежала по серому коридору, вырубленному в толще камня. Хотя как Тане ни было страшно, она отметила, что стены коридора ровные, хотя и очень шероховатые – этот коридор, скорее, был построен, а не вырублен. В коридоре не было темно – расположенные на потолке через равные промежутки тусклые светильники слабо, но разгоняли мрак. Ещё был звук – тягучий и какой-то завывающий, словно это строение кому-то жаловалось на двух девочек, вторгшихся в него и теперь бегущих по коридорам. Коридорам, потому что тот коридор, по которому Алиса и Таня начали свой бег, раздваивался, а в некоторых местах таких ответвлений было три! Но Алиса бежала, как будто знала куда, бежала не только по коридору, но и по лестницам, уводящим куда-то вниз. Около одной из таких лестниц Татьяна завизжала, там, прислонившись спиной к стене, сидел человек! Вернее, скелет, обтянутый кожей, скалящийся на девочку зубастым, безгубым ртом и глядящий пустыми глазницами! Алисе пришлось вернуться и дёрнуть за руку подругу, выводя ту из ступора. После бега по этим страшным коридорам и лестницам (повстречались ещё три сидящих и два лежащих скелета в пятнистой одежде), показавшимся Тане вечностью, девочки подбежали к овальной металлической двери с круглым рулём. Дверь была приоткрыта, и Алиса с натугой её открыла так, чтоб можно было пройти. За дверью был большой зал с креслами, в которых сидели скелеты в такой же странной пятнистой одежде, как и встреченные в коридорах. Не просто скелеты, лица у них были обтянуты коричневой кожей, от этого эти мертвецы выглядели ещё страшнее! Алиса, всё так же стремительно двигаясь, подскочила к одному из кресел и рывком выкинув оттуда страшного мёртвого человека, села на его место и застучала по клавиатуре, вделанной в длинный стол. Таня заняла самое безопасное, с её точки зрения, место – за спиной подруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.